

ВЫБОР

Смеклоф Выбор.

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70302193
SelfPub; 2024*

Аннотация

Каждый задаёт себе вопрос "Кто я такой?". Для чего я здесь? Как поступать, так как родители, как их родители или искать свой путь? В прежние времена ответить на такие вопросы было значительно легче. Сейчас стало намного сложнее. А как на них будут отвечать в будущем, особенно в постапокалиптическом? Когда по улицам бродят роботы-убийцы, воздухом нельзя дышать без электронных респираторов, а их количество и работоспособность контролируют те, кто сидит у власти.

Смеклоф

Выбор

Фонарик едва разгонял плотный мрак, но мы всё-таки добрались до стены. Здесь стояли роботы. Неподвижные, бледные, в ржавой броне, как фигуры в старинных музеях. Настолько похожие на людей, что не отличишь. Только жог им не вредил. Одного крошечного фильтра хватало на многие годы, чтобы подавать по 0,003 миллиграмма кислорода на БПК20. Зачем машине биологическое потребление кислорода я так и не понял, хотя отец и объяснял. Их было жалко. Потому что они стояли у стены одни, в любой момент готовые очнуться и от этого ещё более брошенные и забытые.

Нас не любили пускать в храм. Смотрели искоса, когда отец скидывал рюкзак с патронташем и автоматом и оставлял у скамейки в закопчённом притворе. Маски никто не снимал. Респиратор очищал воздух от жога, а батарея в фильтре разделяла жизнь на отрезки по 48 часов. Пока он мигает – ты живёшь.

Староста чуть склонил подбородок с кислородной маской, поприветствовав отца. Меня, как всегда, даже не заметил. Остальные тоже надменно задрали респираторы к потолку. Даже попрошайки считали себя лучше нас. Верили, что мы продались и нам нет места в новом мире. Ведь они остаются чистенькими, пока мы убиваем.

Отец опустил глаза, снова всех прощая. Думаю, если они объединятся и нападут, он даже не достанет пистолет. Сейчас такими никто не пользуется. Из-за жога нельзя быть уверенным, что порох воспламенится. Современное оружие смертоноснее и страшнее, но он считал старое более честным.

– Три, пожалуйста, – глухо пророкотал его респиратор.

Старуха из церковной лавки подала самые кривые свечи. Обычно она давала ломаные, но сегодня таких не осталось. Наверное, всё израсходовали. А до пятничной кремации ещё далеко. Свечи делали из жира умерших. В новом мире не пропадало ничего. Всё нужно людям и угодно богу, если мир почти уничтожен.

– Благослови, всевышний, – мотнув подбородком, поблагодарил отец.

Мы свернули к канунному столу, и прихожане, завидев нас, разлетелись, как жирные хлопья гари из-под ног. Глядя на них, всё сильнее хотелось, чтобы упала лампада и всё тут выгорело дотла. Тогда наступит свобода. Не будет неприязненных взглядов и тихих проклятий. Ненависть рассеется и наступит настоящая благодать.

Отец отдал мне свои толстые очки в железной оправе и поставил первую свечу. Попросил упокоения всем, кого знал. А я стоял за его спиной, опустив глаза. Чего он добивается? Как понять? Это пугает и беспокоит. Он всегда говорит, что я должен сделать правильный выбор, если его не станет. Но

смогу ли я без него жить? Не знаю... А уж каков должен быть этот выбор и подавно.

Он прошёл к следующему канону и, установив вторую свечу, помолился о здоровье живых. Каждый раз надеюсь, что хриплый голос назовёт моё имя тоже, но не дожидаясь. Проверяет? Испытывает?

Мы прошли дальше, и он опустил на колени. Настало время третьей свечи. Именно она приводила нас в храм, ведь только создатель знал истину. Вспыхнул фитиль. Крошечный огонёк разгорелся, и я, как всегда, подумал, что будет, если он не потухнет? Отец говорит, что такое случилось, а я просто не помню. Но как такое забыть? Знаю, что не должен, но всё равно сомневаюсь в его словах.

Он протянул к алтарю прямоугольник фотографии и спросил:

– Можно покарать раба твоего?

Свет мигнул, и стало холоднее. За нашими спинами, наконец, перестали шептаться. Все ждали ответ бога. Хотя по их лицам и плавали мерзкие усмешки. Никогда не понимал, чему они радуются?

Я вертел в руках всевидящие оку. Его самая ценная вещь. Он с ними никогда не расставался, только в храме. Выменял у торговца на двадцать фильтров и говорил, что отдал бы и больше. Были ли бы они у него раньше, он бы успел по-настоящему попрощаться с женой. Увидеть, как её безгрешная душа лучезарным силуэтом поднимается в небеса. А так

успел только беспомощно сглотнуть, прежде чем остановилось её сердце.

Всевидящие оку записывали видео со скоростью тысячу кадров в секунду. На них окружающий мир замирал и почти останавливался. Так говорил отец и никому не разрешал в них смотреть, даже мне. Так можно было заглянуть на ту сторону, а до этого надо дорасти. Как и до всего остального: до того, чтобы завести сына, и до того, чтобы перестать сражаться за государство. Правда, я слышал, как в правлении шептались, что государства распались ещё до того, как закончилась справедливая война. Почти всех бойцов уничтожили роботы. А когда они выполнили свою программу и отключились – землю окончательно покрыв жог, и всем стало не до войны. Выжившие сбились в стайки, организовали правления и установили жёсткие правила. Мы выслеживали тех, кто их нарушал и убивали. Отгаскивали тела в правление и получали фильтры. Благодаря нам на слабо загрязнённых территориях пока удавалось выжить. Спасала дисциплина и вера! Особенно вера. Отец каждый раз приходил в храм и спрашивал у бога разрешение убить его раба. Если свеча гасла, значит, всевышний задувал пламя жизни. Тогда в ход шли всевидящие оку и автомат. Я тщательно выверял траекторию с поправкой на ветер и парящий в воздухе жог. Он щёлкал кнопку на оправе толстых очков в железной оправе и нажимал на курок. А потом наблюдал, как летит пуля и втыкается в обречённого богом, как падает его тело и утягивает

вместе с собой душу, которая вылетает из пяток и проваливается ещё ниже, в самый ад.

Я давно мечтал посмотреть справедливую кару, но видел только, как потрескивает пламя фитиля, расходятся блики от огня, бегут по стенам, темным ликам икон и растворяются во мраке заповедных ниш. Отец ничего не замечал. Стоял на коленях, гипнотизируя свечу. Поэтому я решился. Вдруг увижу длань божью, спускающуюся с небес, чтобы затушить пламя жизни. Я вжал кнопку на оправе, наставив окуляры на подсвечник. Свет перестал мигать. Стало теплее. Температура так быстро поднималась, что я затаил дыхание. Судьбоносный момент приближался. Его больше не могли испортить мерзкие ухмылки за спиной. Даже люди не способны сглазить чудо!

Хлопок огонька на фитиле заставил вздрогнуть. Мне даже показалось, что его почти беззвучный пшик прокатился гулким эхо по храму и, потрепав на прощание, погасил пламя. А я не мог оторваться от всевидящих ок. На вязкой записи, бегущей по поверхности линз, от свечи протянулся едва различимый луч. Я чуть не задрожал от благоговения. Просчитал траекторию и медленно повернулся. Ядовитые улыбки растворились в пресных лицах, но я лишь скользнул по ним взглядом. Разве могут они понять, свидетелями чему стали? Все их умишки заняты только собой. Они не способны увидеть чуда, даже когда оно летит перед самым их носом. Я проследил до самого окончания луча и наткнулся на грязный

сапог, торчащий из-за колонны.

Отец поднялся с колен. Его напряженное лицо разгладилось. Всевышний подал знак, можно приступить к богоугодному делу... но, проследив мой взгляд, он сощурился. А когда в темноте у колонны блеснула кислородная маска, потемнел и поник. Богу не нужен фильтр для очистки воздуха.

– Выйди из тени! – приказал он.

Голос неуловимо изменился в мгновение растеряв всё добродушие.

– Вы не понимаете, – заикаясь, протянул человек из правления. – Меня заставили, – он поднял перед собой цилиндр уничтожителя воздуха, словно защищаясь.

В отличие от нашего старого оружия – новое даёт абсолютную уверенность в исходе. Оно не промахивается, а мгновенно разрушает молекулы кислорода в заданном объёме воздуха.

– Нас обманывали? – уточнил я. – Он сам тушил свечу?

Вокруг засмеялись. От их дурного хохота тряслись стены и вздрагивали святые на изразцах.

– Это первый раз, – запищал человек из правления, но по его сморщенному лицу было видно, что он врёт.

– Прости, – пробормотал отец, глядя только на меня. – Я подвёл бога, свою жену и сына.

Я сделал шаг, но он протестующе поднял руки.

– Всевидящие очи теперь твои.

Я так испугался, потому что думал, что этот момент ни-

когда не настанет.

– Уходи! Тебе здесь не место! – он так резко вскочил, что я отпрыгнул.

Человек из правления закрылся руками, и уничтожитель включился. Не думаю, что он сделал это нарочно. Скорее такова воля божья. Едва различимый луч скользнул по отцу и свалил его замертво. Кислород в крови, лёгких и органах мгновенно распался на атомы. Маска лопнула, изрыгнув чёрный дым. А я не мог оторваться от всевидящих ок. В толще стекла не было ничего: ни лучезарного силуэта, ни безгрешной души, ни даже отблеска райских небес. Только побелевшее лицо человека, который обо мне заботился. Внутри всё перевернулось. Страшно было даже шагнуть, но я сделал так, как он хотел. Бросился к выходу, пока они не опомнились. Мысли кончились, остались только запрограммированные действия. Мимо пролетел притвор. Руки закинули за спину рюкзак, патронташ и подхватили автомат. За спиной хлопнула дверь, и я вывалился во мглу.

Вдалеке сверкала вывеска над правлением. С ней перемигивался указатель центральной станции питьевой воды. Слева – склады оборудования для очистки воздуха, над которыми на ночь погасили сверкающие буквы. А я решал, как сделать правильный выбор. Теперь, когда его на самом деле не стало. Как жить самому? Настало время вопить и бить прикладом в стену, но я не умел вести себя как другие. Переживать, чувствовать, проявлять эмоции. Мне осталась един-

ственная доступная функция «или» – уйти или отомстить. Я покосился на индикатор маски – три часа до разрядки батареи. Если убью их человека, новый мне в правлении не дадут. Не убью – предам отца. Он защищал меня, никому не позволяя навредить. Если меня прикончат ради мести, разве это не будет таким же предательством? Я снова посмотрел на индикатор батареи. Люди не знают, когда им суждено умереть. У меня было три часа. Много это или мало, решать только мне. В этом заключается свобода?

Надпись над храмом мигнула и погасла. Стало трудно разглядеть сыплющийся с тёмного неба пепел. Может быть, поэтому я сделал выбор. Перехватил автомат и положил палец на курок. Отец говорил, что в храме убивать нельзя. Тогда придётся ждать человека из правления здесь. Какой у него заряд батареи? Если есть бог и справедливость, то меньше моего.

В жуткой мгле снова вспыхнула надпись над храмом, на мгновение осветив безжизненных роботов у стены. Это благословение? Отец бы сказал: «Да!». Значит точно надо ждать! Сразу стало легче. У меня натянулась кожа на щеках, и губы исказило подобие ухмылки. Никогда не умел улыбаться, а он расстраивался из-за этого. Сейчас самое время плакать, а не смеяться, но кто бы знал как.

Дверь скрипнула, и я вскинул автомат. На крыльцо высунулся староста. Из-под его сапог разлетелись вихри пепла.
– Уходи, убийца! – он будто выплюнул слова. – Утром сю-

да придут люди из правления.

Я кивнул.

– До утра далеко. Какой у вас заряд батареи?

– Одиннадцать часов.

– Хватит! А у него?

– Меньше трёх! – зарычал староста.

– Как у меня. Всевышний решит, кто первым задохнётся.

Староста покраснел и, сжав кулаки, сделал шаг, всколыхнув очередную тучу жога.

– Ты не его сын, чёртова железяка! Ты проклятый робот-убийца. Такой же, как эти истуканы!

Я взглянул на неподвижные фигуры у стены. Они стояли здесь очень давно. В назидание живым. Чтобы помнили, как люди близки были к полному уничтожению.

– Убирайся...

– Нет!

– Ты не его сын! Ты кусок железа – ты не можешь задохнуться! Ты не человек!

Я вздрогнул и передёрнул затвор автомата, заставив его спрятаться за дверью.

Мне ли не знать, кто я такой. Помню настоящего сына моего отца – крошечный кусок мяса. Мать умерла. Кусок мяса некому было кормить. Его нельзя было нигде оставить. Тем более одного. Поэтому, когда отец нашёл меня, раздавленного рухнувшей бетонной стеной, то просто поменял программу. Заставил подчиняться. Заставил уважать себя.

Заставил приглядывать за его сыном, но не смог до конца объяснить, как. Нельзя заставить заботиться по-настоящему. Во время одной стычки с грешниками с куска мяса сорвали маску. Тогда я ещё не знал, как это важно, поэтому ничего не понял, а он задохнулся.

Почему отец не разобрал меня по винтикам, не расплавил и не уничтожил, до сих пор не понимаю. Но именно тогда я перестал подчиняться и начал любить. Он тоже ко мне привык и считал своим сыном – воспитывал, защищал. Я помогал ему убивать грешников, а он рассказывал мне о боге. Мы нуждались друг в друге.

– Убирайся, ржавая уродина! – крикнул староста из-за двери.

Я щёлкнул предохранителем и положил автомат на колени. Отец хотел видеть меня человеком, но как поступил бы человек? Очень трудно разобраться в людях – документации нет, а моделей так много, что ни один робот не запомнит.

– Не могу задохнуться! – закричал я. – Он убил моего отца, но если выйдет сам, я не согрешу...

– Заткнись, заткнись! – завопил староста. – Как ты можешь согрешить, кусок чёртова металла? Адское отродье, сделанное сатаной для убийства людей.

– Отдай автомат, – сипло потребовал человек правления из-за двери.

Я покачал головой.

– Выходи!

Настоящий сын наплевал бы на запрет отца, ворвался в храм и убил его? А остальных, тех, что смеялись?

– Не могу задохнуться? А так? – крикнул я и сунул руку под куртку.

Набрал кодовый номер, открыл бронированную панель воздухозаборника на груди и выдернул фильтр. Не знаю, что такое БПК20, но так у меня точно не будет 0,003 миллиграмма кислорода. А без него настроенные процессы в системе жизнеобеспечения скоро нарушатся. Грязный воздух втянуло внутрь, и в голове заорал сигнал «Остановить подачу неочищенного газа, чтобы избежать фатальных повреждений».

– Выходи!

Человек правления не ответил, хотя я слышал его тяжелые шаги за дверью и жалкое хныканье. Он жаловался и просил дать ему запасной фильтр, но судя по глухим ответам старосты, убийцу моего отца заперли в притворе.

– Выходи! – снова предложил я. – Останешься там и оба умрём...

– Тупая железяка! Ты не можешь умереть! Брось автомат.

Я не ответил. Отец таких не уважал. Говорил, что надо смотреть в лицо опасности и всегда идти до конца. Иначе жизнь не настоящая. Я поднял всевидящие оку и надел. Чёрная пыль и пепел повисли в воздухе. Как странно! Я даже попробовал коснуться их пальцем, но рука едва показалась перед глазами, хотя по показаниям датчиков она моталась

перед моим лицом туда-сюда.

Нервные шаги человека правления напоминали звук старинных часов. Отец однажды показывал мне такие в здании какого-то разрушенного довоенного правления. Раньше они мерили время вместо индикаторов на фильтре. Было в них что-то такое, чего я не мог понять.

– Мне уже плохо!

– Выходи!

– Нет!

– Тогда мы оба умрём.

– Тупая железяка!

Судя по звуку, он опустился на пол и начал рыдать. Как у них такое получается? Откуда внутри набирается эта жидкость, если они её постоянно сливают? Наверное, это какая-то поломка или брак. Отец никогда не плакал, только скучал по жене и сыну. Теперь пришла моя очередь скучать.

Человек правления между всхлипываниями умолял меня, но так бессвязно, что я перестал понимать смысл его слов. Он не смог посмотреть в лицо опасности и пойти до конца, даже когда батарея в фильтре предупредительно запищала. Так и не заставил себя сделать всего один шаг, хотя был настолько смел, что вместо бога решал, кому жить, а кому умирать. Это не укладывалось в мои алгоритмы.

Пепел всё так же висел в воздухе и даже переливался из-за далеких отсветов вывески над правлением и станции питьевой воды. Мне это нравилось. Отец говорил, что это похоже

на гармонию, хоть и не мог объяснить, что это значит.

У меня отказали ноги. Потом вестибулярная система и большая часть сенсоров. Тело наклонилось и ударилось головой об массивную петлю двери. Всевидящие оку разломались, и один из окуляров лопнул. По моей щеке потёк тонкий ручеек. Так я смог поскучать по отцу. Мне даже показалось, что теперь я знаю, откуда у людей берётся жидкость. Она вытекает из глаз, чтобы создать мостик на небеса, который доставляет послание лучезарным силуэтам, про которые говорил отец. Свет хорошо отражается от воды, поэтому лучше преодолевает и пыль, и жог, и всё остальное. Стало понятно, чего он хотел. Чего добивался от меня, когда говорил, что бездушное железо не способно сделать выбор. Что каждый может быть таким, каким хочет быть.

Я обрадовался этой странной мысли. Если бы отец смог ещё раз поставить вторую свечу, то наверняка бы вспомнил про меня. Внутри всё горело. Осязательные датчики отключились окончательно, и курок пропал из-под моего пальца. Пропала и сама рука. Перед тем, как начали отключаться сенсоры, я услышал звук включившейся надписи над храмом. А последними, пока я ещё хоть что-то соображал, начали сбойть датчики зрения. Но в самом конце, в целом окуляре всевидящих ок промелькнуло безудержное сияние, которого я никогда прежде не видел.

Привет! Это автор рассказа Роман Смиклоф! Я разме-

щаю рассказы бесплатны и прошу мне помочь. Понравился рассказ – подпишись на меня на Литрес <https://www.litres.ru/author/smeklof/> Поставь лайк, напиши комментарий, что именно тебя тронуло в моей истории.

Сейчас очень сложно не затеряться в огромном количестве книг, поэтому твоя помощь очень ценна для меня и позволит мне развиваться, повышать популярность и писать новые рассказы и романы.